
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

THEORETICAL ASPECTS OF SOCIOLINGUISTICS

УДК 81-23

DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-8-20

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА: ГРАНИЦЫ И ВОЗМОЖНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Ирина И. Чельшева

Институт языкознания РАН, Российская Федерация

Статья посвящена проблематике исторической социолонгвистики в приложении к романским языкам. Это исследовательское направление, с одной стороны, позиционируется как новое, но, с другой стороны, продолжает традиции классической романской филологии, рассматривавшей историю языка в контексте истории общества. Диахронический материал не дает возможности обращаться к непосредственному языковому опыту и лингвистической компетенции носителей языков, а объектом лингвистической рефлексии романские языки стали, в основном, лишь с XVI в. Однако на основании разнообразных экстралингвистических сведений и корпуса текстов определенной эпохи можно реконструировать языковую ситуацию, а в некоторых случаях воссоздать и ситуацию коммуникативную. Средневековое многоязычие романской Европы представлено в различных вариантах соотношения языков и сфер, ими обслуживаемых. Особое место занимает соотношение латынь vs. романские языки, обретавшее различные формы, начиная с момента формирования романских языков. Такие аспекты, как язык и этнос, язык и государство, языковая политика, также могут быть исследованы в приложении к прошлому. Наиболее сложным оказывается воссоздание социальной дифференциации языка прошлых эпох, поскольку диастратические варианты ограниченно представлены в текстах, а оценка их места в иерархии языкового варьирования затруднена.

Ключевые слова: история романских языков, историческая социолонгвистика, функциональное многоязычие

HISTORICAL SOCIOLINGUISTICS: OPPORTUNITIES AND CONSTRAINTS (BASED ON THE ROMANCE LANGUAGES)

Irina I. Chelysheva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article deals with historical sociolinguistics in application to the Romance languages. This line of research, assumed to be modern, continues, however, the classical tradition of the Romance philology, which puts the history of languages in the perspective of the history of society. Diachronic data preclude the use of the immediate language experience and competence of native speakers. Also, the Romance languages had not obtained much attention from the scholars until XIV century. Nevertheless, combining the extra-linguistic evidence and text corpora of a certain epoch, we may reconstruct both the linguistic situation and partly the communicative situation, too. The medieval plurilingualism of the Romance Europe reveals itself in a variety of relations between languages and the areas they provide for. The interrelation Latin vs Romance languages, which took various forms from the very period of Romance languages formation, holds a unique position. A number of aspects like language and ethnicity, language and state, language policy can also be examined in regard to the past. The most challenging part of the work appears to be the reconstruction of the diachronic social differentiation. This is due to the fact that the diastatical variation is presented on a very limited scale in the texts, while its place in the language variation hierarchy is difficult to determine.

Keywords: *history of Romance languages, historical sociolinguistics, functional multilingualism*

Введение

В XXI в. появилось немало работ, посвященных исторической социолингвистике, которую иногда рассматривают как новейшую дисциплину, чей объект исследования еще находится в стадии становления [Auer et al. 2015]. Действительно, работы, в названии которых включено сочетание «историческая социолингвистика» относятся, в основном, к последним двум десятилетиям. Вместе с тем эти исследования продолжают традиции классической романской филологии, где история языка всегда связывалась с историей общества, на этом языке говорившего. Цель нашей статьи – проанализировать, какие возможности дает история языка для реконструкции языковых ситуаций и решения тех вопросов, которыми занимается социолингвистика, но в приложении к диахронии. Статья ограничена лишь несколькими темами, проиллюстрированными отдельными, частными примерами, но эти примеры можно продолжить, а темы добавить и развить. Мы не ставили задачу сделать сколько-нибудь исчерпывающий обзор исследований по исторической социолингвистике, но упоминаемые выборочно работы, на наш взгляд, очень показательны как свидетельства возможных направлений исследования в этой области.

Историческая лингвистика лишена возможности обращаться к языковой компетенции информантов. Лишь начиная с XVI в. массово появляются работы, посвященные романским языкам. Тогда о языках заговорили сами носители и, естественно, в их размышлениях не оказался обойденным и социолингвистический аспект, представленный

на том уровне знаний и в той системе координат, которая действовала в XVI в. Такой привычный и необходимый для социолингвистического исследования прием, как анкетирование, проявился лишь на рубеже XVIII–XIX вв., когда 4 июня 1794 г. аббат Анри Грегуар представил Конвенту доклад о положении французского языка и патуа на основе разосланной им по всей Франции анкеты, включавшей 43 вопроса [Abbé Grégoire].

Мы в данной статье ограничимся Средневековьем и Высоким Возрождением, обращаясь к материалам XVI в. лишь тогда, когда в этот период проявляются заложенные ранее тенденции. Такой выбор оставляет большой простор для реконструкции ситуации, поскольку прямых свидетельств современников, оценивающих язык с социолингвистической точки зрения, практически нет. Материалом является преимущественно история языков Франции и Италии, хотя лингвистическая история Пиренейского полуострова могла бы существенно расширить наши представления о социолингвистических процессах прошлого.

Значительная часть работ, в которых история языка рассматривается под углом социолингвистики, связана с англоязычной исследовательской традицией. Можно упомянуть книгу Р.А. Лоджа [Lodge 2004], где история языка Парижа исследуется в связи с демографическими, экономическими (постепенная индустриализация), политическими процессами в столице Франции. Недавно появилось подобное исследование языка северо-восточной французской области Пикардии, известной своим богатым средневековым рукописным наследием [Lusignan 2012]. В итальянской лингвистике всегда были сильны позиции диалектологии, в том числе исторической диалектологии, основанной на подробнейшем филологическом анализе памятников. На наш взгляд, это тот случай, когда обилие исследовательского материала, многообразие факторов воздействия на язык и множественность компонентов языковой ситуации делает очень сложным достижение корректных обобщений. Отсюда высказываемые итальянскими филологами сомнения в возможности построения социолингвистических моделей для староитальянского [Dardano 1999].

Есть некоторая терминологическая сложность, которая заключается в том, что диахронические исследования, посвященные связи языка и общества, могут именоваться «социолингвистической историей» в приложении к языку или к определенному ареалу его распространения, а могут получать название «историческая социолингвистика» [Rubio 2016: 4]. Общим является неизбежная, по сравнению с социолингвистикой живых языков, фрагментарность и неполнота исследовательского материала. В относительно недавней работе, посвященной обзору возможных методологических подходов и исследовательских приемов, подходящих для исторической социолингвистики, исследования в этой области сравниваются с работой археолога, восстанавливающего историю по остаткам материальной культуры, а наиболее опасным и распространенным недостатком называется анахронизм в оценке языковых фактов прошлого с позиций социолингвистики [Aquino-Weber et al. 2009: 32].

К исторической социолингвистике относят работы, имеющие разный вектор исследования. Возможно движение от нелингвистического материала (исторические сведения, содержание литературных произведений, свидетельства материальной культуры и др.) к воссозданию элементов социолингвистической ситуации. История романских языков дает много примеров многоязычных общностей с интересным распределением языков по функциям. Реконструкция реального многоязычия в этом случае возможна на основании сохранившихся рукописей, исторических описаний, хроник, деловых

документов, характеристик литературных персонажей и т. д.

Другое направление исследований, на наш взгляд, более трудоемкое, но, при корректном использовании этой методики, достигнутый результат может быть убедителен. Речь идет о том, чтобы соотнести наблюдаемые в текстах факты разного языкового уровня с определенным типом языкового варьирования, т. е. отправной точкой является языковой факт. Например, в истории итальянского языка есть ряд флорентийских текстов XV–XVI вв., где появляются не зафиксированные ранее фонетические и морфологические характеристики: переход велярных [k] и [g] перед [j] в [t] и [d] (diaccio вместо ghiaccio, stiaivo вместо schiavo), распространение форм на -a для посессивов во множественном числе (sua ‘свои’ вместо suoi и sue). Формы эти встречаются у авторов, не получивших классического образования, не владевших свободно латынью и не считавших написание текстов своим основным занятием (Леонардо да Винчи, Бенvenuto Челлини). Есть все основания считать, что это черты разговорного узуса Флоренции, которые в письменный язык обычно не допускались.

Далее мы рассмотрим несколько, на наш взгляд, ключевых для исторической лингвистики проблем: средневековое многоязычие, диастратическое варьирование языка, отношение государственной власти к лингвистическим проблемам и значение текстологической и рукописной истории для социолингвистических штудий.

Многоязычие как социолингвистическая проблема

Романские языки формировались, развивались и существовали в ситуации контакта с другими языками. Средневековое многоязычие, как и любое многоязычие в принципе, должно и может быть объектом социолингвистических исследований. Особое место принадлежит функциональному сосуществованию латыни и романских языков, причем связанная с этим сосуществованием проблематика распадается на два аспекта, отраженных в данном латыни наименовании: *mater et magistra* ‘мать и наставница’. Первый аспект соотносится с языковым сдвигом, связанным с формированием романских языков, суть которого в трансформации латыни в ряд новых языковых вариантов и в осознании носителями этой трансформации. Вполне справедливо замечание Н. Винсента о важности социолингвистического подхода к этому процессу: «Many, perhaps even most, of the traditional historical questions about the developments from Latin to Romance, are – implicitly or explicitly – sociolinguistic. <...> It is hardly surprising, therefore, that scholars have sought to apply constructs like diglossia, koine and (de-)creolization to the Romance situation, even if these attempts have not met with universal acclaim» [Vincent 2006:13]. Характеристика отношения латыни и романских языков как диглоссии является общепринятой. Но к терминам «койне» и «(де)креолизация» отношение скорее настороженное. Переход от латыни к романским языкам и, особенно, осознание и принятие этого перехода – процесс многофакторный, проходивший с разной скоростью в разных ареалах. М. Баньяр, выстраивая вертикаль языкового узуса от письменного к устному в Романии V–IX вв., показывает, насколько отставала Италия от Франции в этом отношении [Banniard 1992]. Это видно и на примере основного наименования романского языка Италии, где до XVI в. преобладал термин *volgare* ‘вольгаре’, народный язык, язык толпы. Соответственно довольно сложно привязать термины «койне» и «креолизация» к определенной эпохе. Кроме того, креолизация (при наиболее распространенном понимании этого термина), на наш взгляд, упрощенно представляет процесс перехода от латыни к романским языкам.

И в дальнейшем распределение сфер при функциональном сосуществовании латыни и романских языков было совсем непростым. Понятно, что устная сфера общения оставалась за романскими языками, хотя средневековая латынь, безусловно, существовала и в устной форме как язык монастырей и университетов, как ученая речь всей западноевропейской *communitas Christianorum*. Соотношение двух языков в разных сферах могло осложняться в рамках определенной ситуации. Известно, что церковь в романских странах была одним из бастионов латинского языка. В сохранившихся документах судопроизводства церковные процессы зафиксированы на латыни, в то время как светский суд уже переходил на народные языки. Например, на латыни дошли протоколы процесса над Жанной д'Арк, которую судил церковный суд, в том числе, и допросы самой Жанны, которая латыни не знала. Внимательное рассмотрение документов позволяет восстановить довольно сложную процедуру, когда с помощью нескольких писцов синхронно фиксировались вопросы и ответы на французском языке, затем составлялся черновик на французском – *minuta in Gallico*, на основании которого делался окончательный документ на латыни [*Procès de Jeanne d'Arc*]. Таким образом, в судопроизводстве устному французскому соответствовала на письме латынь, но через ступень чернового варианта на французском же.

Средневековое многоязычие многолико. Есть примеры территориального многоязычия, с которым оказывается связано и многоязычие династическое. Оно сопровождается плюрилингвизмом культур, на эту территорию принесенных. В результате складываются разноязычные литературные традиции и распространяется иноязычная литература. Классическим примером может являться Сицилийское королевство эпохи норманнов (конец XI–XIII вв.). Норманны освободили Сицилию от арабского владычества, при этом на острове было немало греческих колоний. Вероятно, должно было сохраниться и романоязычное население, язык которого лег в основу сицилийского вольгаре. Норманнская династия принесла на остров, по меньшей мере, еще три языка: латынь, французский и окситанский. К населению Сицилии прибавились колонисты и союзные войска из Центральной и Северной Италии, с которыми на остров были занесены варианты вольгаре этих регионов (на Сицилии до сих пор сохранились реликты галло-итальянских диалектов). До 30-х гг. XIII в. в Сицилийском королевстве писали на арабском, греческом языках и латыни. В XIII в. сложилась первая в Италии поэтическая школа поэзии на сицилийском языке. Но как поэтический язык продолжал использоваться и окситанский, а при Фридрихе II, который был императором Священной Римской Империи, можно говорить и о знакомстве с германской школой трубадуров – миннезангом.

Литературное многоязычие было характерно и для Северной Италии (латынь/вольгаре/французский/окситанский). Там, кроме того, возникла смешанная форма франко-итальянского, точнее, франко-ломбардского или франко-венетского языка, использовавшегося для передачи французских эпических поэм, а позднее и для сочинительства в этом жанре.

Проблематика *lingua franca* возникает при рассмотрении многокомпонентных языковых ситуаций в восточном Средиземноморье, в период Крестовых походов и эпохи недолговечных государств крестоносцев на Ближнем Востоке, где, собственно, и сформировалось понятие *lingua franca* в его исходном, этимологическом значении («язык франков», т. е. христиан Западной Европы). И здесь решающая роль принадлежала французскому, который фактически стал официальным языком государств крестоносцев.

Сохранились старофранцузские рукописи XIII в., созданные в скрипториях Сен-Жан д'Акр (Аккра, Акко), столицы Иерусалимского королевства.

Интересно, что в XIV–XV вв. *lingua franca* на Адриатике именовался вариант венецианского вольгаре, распространенный по восточному побережью, в том числе в славянских землях. См. также о диглоссии англо-норманнский /английский в [Trotter 2013].

Именно при рассмотрении в диахронии языкового узуса таких многоязычных сообществ оказывается оправданным применение социолингвистической методики. Анализ текстов при этом обычно предполагает реконструкцию не только языковой ситуации в ареале создания текста, но и конкретный контекст его создания, вплоть до личной истории тех, кто причастен к созданию, фиксации и сохранению памятника.

Диастратическое варьирование языка в диахронии

Реконструкция социальной стратификации языка прошлого остается, на наш взгляд, проблемой сложной и требующей доказательств. Рассмотрим возможность воссоздания в диахронии лишь одного из вариантов – сниженных форм речи.

Есть довольно прозрачные случаи, когда само содержание текста позволяет обнаружить в нем просторечные и, более того, грубые языковые единицы. В один из самых ранних текстов на вольгаре – надписи из церкви святого Климента (Рим, XI в.) – включено ругательство, которое до сих пор вполне понятно итальянцу: *fili de le pute*. Оно вложено в уста римского патриция, отправляющего на мученичество святого Климента, который, кстати, говорит на латыни. Противопоставление вольгаре vs. латынь обретает религиозный оттенок: язык грешника vs. язык праведника.

Обнаружить безусловно сниженные языковые варианты в истории романских языков можно лишь с XV в. Такие источники широко известны и неоднократно исследованы, но это не отменяет того факта, что их интерпретация во многом остается на уровне гипотез. Это содержащиеся в документах судебного процесса, проходившего в Дижоне в 1455 г., сведения о жаргоне банды Кокильяров, и шесть баллад, приписываемых Франсуа Вийону и опубликованных под названием *Jargon et jobellin* 'Арго и тайный язык' в издании 1489 г. Упоминание о существовании особого языка мошенников под тем же названием неоднократно встречается в фарсах – французских комических пьесах XV в., в том числе и в самом известном из них, «Фарсе об адвокате Патлене». Для Италии можно вспомнить книгу «*Speculum Cerretanorum*» клирика и юриста из Урбино Тезео Пини, где рассказывается о мошенниках, ворах и бродягах и об их обычаях общаться между собой на непонятном для окружающих жаргоне.

Но для того, чтобы уверенно охарактеризовать язык памятника как принадлежащий к тому или иному диастратическому варианту, нужно сочетание нескольких факторов. Рассмотрим это на примере известного в истории итальянского языка контраста Чело д'Алькамо «*Rosa fresca aulentissima*» 'Роза свежая и благоуханная' (первая половина XIII в.), принадлежащего к Сицилийской поэтической школе. Во-первых, мы имеем дело с жанром контраста, воссоздававшим языковую картину живого спора, диалог между спорящими. Это уже позволяет ожидать некоторого приближения к языковым реалиям. Во-вторых, содержание стихотворения не соответствует куртуазным канонам: дама грозит уйти в монастырь или утопиться; у нее обнаруживаются родственники: отец и братья; дама настаивает на браке и т. д. Контраст с этой точки зрения выглядит явно пародийным. И, в-третьих, стихотворение включает в себя языковые характеристики, которые не фиксируются в других произведениях этой поэтической школы. Наряду с принятым

в поэзии словом *donna* ‘дама, женщина’ употребляется *femina*, куртуазной поэзии не свойственное. Отличия есть и в фонетике, и в морфологии: бетаизм (*bale, boglio, bolontate*), переход [pl] в [kj] (*chiaci < placet*), постпозиция притяжательного (*paremo* ‘мой отец’, *saama* ‘моя дорогая’) и др. См. разбор в [Чельшева 1991: 97, 110–111]. Правда, следует сделать скидку на то, что поэзия Сицилийской школы дошла до нас почти исключительно в тосканских рукописях и оригинальный текст был тосканизирован. Но тот факт, что переписчики-тосканцы сохранили эти характеристики, копируя текст, свидетельствует, что они воспринимали подобные формы как неотъемлемую составляющую контраста. И, наконец, принадлежность языка Чело д’Алькамо к разговорной, бытовой речи подтверждает Данте, который был если не современником сицилийца, то представителем следующего поколения. В трактате «О народном красноречии» [I, XII], противопоставляя поэтическому языку сицилийцев наречие «простых уроженцев этой земли» (*quod prodit a terrigenis mediocribus*), он приводит без указания автора именно строки Чело д’Алькамо: «*Tragemì d’este focora, se t’este a boluntate*» ‘Вытащи меня из этого огня, если ты этого хочешь’. Но такое удачное сочетание нескольких объяснительных факторов для исторической социолингвистики редкость.

В истории итальянского языка есть и еще один небольшой поэтический текст, по поводу которого возникают оживленные дискуссии. Это созданный в середине XIV в. «*Contrasto della Zerbitana*», контраст в виде диалога между спорящими; в данном случае это некий мужчина и *Zerbitana*, женщина с острова Джерба у берегов Туниса, дочь которой собеседник соблазнил. Если общая канва спора понятна, то конкретные языковые факты вызывают много вопросов. Принято считать, что в этом стихотворении спародирован жаргон моряков Южной Италии. Некоторые исследователи считают, что образцом для пародии был *lingua franca* в его исходном, историческом значении – наречие на романской основе, использовавшееся как средство межэтнического общения в Средиземноморье [Strinna 2006].

И, наконец, комментарий к событиям может объяснить, как воспринималась с точки зрения иерархии вариантов та или иная форма речи. В римском памятнике конца XIV в. «*Vita di Cola*» рассказана история жизни Кола ди Риенцо (1313–1354), народного трибуна, поднявшего восстание против римской знати. Он пытался под видом крестьянина бежать из Рима, переодевшись пастухом: «... *tolle uno tabarro de vile panno, fatto allo muodo pastorale campanino. Quello vile tabarro vestio <...> Desformato desformava la favella. Favellava campanino e diceva: Suso, suso a gliu tradetore!* ‘...взял плащ из плохого сукна, как у крестьян Кампаньи. Надел этот грубый плащ <...> Исказив внешность, исказил и язык. Говорил на наречии Кампаньи и заявлял: «Долой, долой предателя». (Цит. по: [Trifone 1992: 25]). Римская Кампанья – окружавшая город равнина, довольно пустынная в те времена, прибежище пастухов и разбойников. Речь сельских жителей Кампаньи воспринималась в городе как грубый, простонародный язык, которому и подражал Кола.

Мы попытались реконструировать следы разговорного, простонародного, сниженного варианта речи. Некоторые детали при рассмотрении текстов (например, речи персонажей «Декамерона» Боккаччо) дают возможность выделить, например, особенности речи флорентийского купечества или церковных кругов, но все это остается на уровне единичных фактов.

Язык и государство

Одним из аспектов социолингвистики является изучение языковой политики и

языкового законодательства, а также общей проблематики, которую можно было бы сформулировать так: «язык и государственная власть». Эта тема звучит достаточно современно, но и в диахроническом плане она оказывается весьма интересной для социолингвистических исследований.

Проблемой взаимодействия языка и властных структур много занимались на материале французского языка. Это вполне объяснимо: Франция – страна, где относительно рано сложилась централизованная власть, пусть и с ограничениями, накладываемыми наличием мощных соперничавших феодальных образований. Эта тема, с определенными оговорками, поднимается даже при рассмотрении самого первого текста на французском языке – Страсбургских клятв 842 г., текста союзного договора между внуками Карла Великого. Короли приносили клятву с языковой точки зрения как бы «перекрестно»: Людовик Германский клялся на *romana lingua* ‘романском языке’, хотя за ним была закреплена восточная, германоязычная часть империи Карла; а Карл Лысый, во власти которого были, в основном, романские земли, произносил клятву *teudisca lingua* ‘на языке германском’. Войска с обеих сторон, в отличие от суверенов, клялись на языке своей страны. Р. Балибар в своей известной работе [Balibar 1985] рассматривает такое распределение языков как подтверждение их государствообразующей роли и определенную официализацию. Некоторые авторы идут дальше, считая, что первая фиксация французского языка может быть истолкована как рождение французской нации [Beaune 1987]. Б. Серкильини предостерегает от подобного анахронизма, рассматривая противопоставление двух языков в «Страсбургских клятвах» как показатель разделения двух ветвей династии Каролингов. Автор подчеркивает значимость того, что романский язык был поставлен на один уровень с германским. Язык германцев никак не мог считаться неким сниженным вариантом латыни, и, следовательно, романский язык, встав с ним рядом, также обрел самостоятельность [Cerquiglini 1991].

Во Франции идея королевской власти сопрягалась с языком Парижа, королевской столицы, и страна неуклонно двигалась к языковому единству на официальном уровне, воплощая в жизнь принцип *unicité d'une langue* [Blanc 2010, Lusignan 2004]. Наиболее известным примером лингвистического законодательства в диахронии является королевский ордонанс Вилле-Коттре 1539 г. Мы не могли его не упомянуть, хотя хронологически он выходит за рамки рассматриваемого в этой статье периода. Среди юридических положений, составляющих основное содержание ордонанса, есть статья, гласящая, что документы должны писаться «*en langage maternel francoys et non aultrement*» ‘на родном французском языке и не иначе’. Безусловно, речь идет о продвижении народного языка вместо латыни. Но встает вопрос о том, какой именно язык должен использоваться в документах вместо латыни: только французский или любой язык, родной для жителей Франции. См. дискуссию в [Марусенко, Шабалина 2009]. Этот ордонанс вписывается в серию предшествующих документов, регламентировавших использование языка, прежде всего, в юридической сфере. Ордонанс Карла VIII от 1490 г. разрешал в составлении уголовных дел использовать «*langage français ou maternel*» ‘французский или родной язык’, а Лионский ордонанс Людовика XII 1510 г., предписывал для этих целей «*vulgaire et langue du pais*» ‘французский и местный язык’ [Giry-DeLoison: 6]. Как видим, в более ранних документах предусматривается возможность использовать вместо латыни два варианта: или французский, или родной (местный) язык. Категоричность формулировок в ордонансе 1539 г. наводит на мысль, что «*langage maternel francoys*» все-таки обозначает именно французский язык, а не любое наречие Франции.

За 200 лет до ордонанса Вилле-Коттре статус окситанского языка в глазах королевской власти не был равным статусу французского. В 1317 г. вышло распоряжение короля Филиппа Красивого писать «*bonis villis, gallicanis in gallico, et occitanis in latino*» ‘нашим добрым городам, французским по-французски, а окситанским – по-латински’ [Brunot 1933: 369]. Однако такая политика затрудняла понимание королевских документов среди жителей Южной Франции. Как свидетельствуют приписки к документам, королевские распоряжения приходилось разъяснять жителям юга Франции на их родном языке; сохранились и письменные образцы таких переводов, и упоминания о том, что переводы делались устно [Brunot 1933: 368].

Законодательные инициативы на лингвистические темы встречаются и в более специальных сферах, если возникала необходимость урегулирования ситуации с языками. Так, в 1364 г. в Венеции вышло распоряжение венецианского сената о том, что команды на флоте следует объявлять на двух языках: *lingua latina* и *lingua sclavonica*. Венецианский флот на Адриатике объединял романский и славянский мир; соответственно, нужны были два языка: в данном случае *lingua latina* – это венецианский вольгаре, а *lingua sclavonica* – язык славян Адриатического побережья [Metzeltin 1988: 555].

Но не только законодательные акты были инструментом языковой политики. На ситуацию с языками могли повлиять и иные деяния, направленные, выражаясь современным языком, на укрепление имиджа государства. В 1476 г. правитель Флоренции Лоренцо Медичи, вошедший в историю как Лоренцо Великолепный, подарил Фердинанду Арагонскому, на тот момент наследнику трона Неаполитанского королевства, сборник стихов на тосканском вольгаре, известный как «*Raccolta Aragonese*» ‘Арагонский сборник’. Предисловие к нему написал Анджело Полициано, самый известный поэт круга Лоренцо Медичи. Этот подарок способствовал популярности не только поэзии, но и тосканского наречия, которое стало распространяться в Неаполитанском королевстве, в том числе и за счет каталанского, родного языка правящей династии Трастамара, принадлежавшей к королевскому дому Каталонии и Арагона.

История рукописей и историческая социолингвистика

Публикация любого текста допечатной эпохи предполагает определенные действия со стороны того, кто готовит издание рукописи. В какой-то мере мы имеем дело с уже преобразованным текстом. Между тем, рассмотрение памятника с учетом типа материальных носителей, с вниманием к истории и составу рукописи или кодекса, с обращением к вспомогательным историческим дисциплинам помогает реконструировать языковую ситуацию. Это хорошо известно по работе с первыми, самыми ранними памятниками романских языков. Среди них есть маргинальные или надстрочные глоссы (Эмилианские глоссы, вторая половина X в., Испания), интерлинейные глоссы или фрагменты перевода (Салентинские глоссы, Италия, XI в.; частичный перевод проповеди Августина на ретороманском Швейцарии, начало XII в.), вынесенные на поля приписки (*Postilla Amiatina*, Италия, 1087 г.); записи на обратной стороне уже использованного пергамента, на «старых оборотках» (*Nodicia dos Kesos*, Испания, X в.); черновики для подготовки латинских текстов («*Notícia do Torto*», Португалия, 1214 г.). Все это говорит о том, насколько второстепенными по отношению к латыни были тексты на романских языках, и подтверждает диглосные отношения между латынью и народными языками.

Интересные сведения о социолингвистической ситуации дает рассмотрение документов, собранных, по тем или иным причинам, в один кодекс, особенно если этот кодекс связан

с многоязычным сообществом. Сохранились регистры королевской канцелярии Неаполя 1458–1460 гг., куда помещались копии писем и других деловых документов правившей в это время в Неаполе династии Трастамара. По имени династии кодекс называют Арагонским – итал. *Codice Aragonese*. Языком неаполитанской верхушки был каталанский, но наряду с ним использовался неаполитанский и, естественно, латынь. В Арагонском кодексе 246 документов на неаполитанском языке, 64 на каталанском и 34 на латыни. Выбор языка зависел, прежде всего, от адресата, поэтому рассылаемые по Неаполитанскому королевству документы – на вольгаре, а письма членам королевского дома – на каталанском. На латыни написаны документы строго официальные или связанные с церковью. Есть еще и двуязычные каталанско-неаполитанские и каталанско-латинские документы. Отмечается, что король переходил на родной для него каталанский, если письмо писалось срочно или при выражении личных чувств и эмоций [Venetz 2009: 287].

Приведем еще один пример, когда состав кодекса иллюстрирует отдельные моменты социолингвистической ситуации. В архивах Петербурга хранятся сшитые в один том 90 грамот из североитальянского города Падуи XIII–XIV вв. Это завещания, сделки купли-продажи, части статута города Падуя и др. Все документы написаны на латыни и лишь один – на итальянском. В отличие от остальных, этот документ составлен во Флоренции флорентийскими нотариусами; речь идет о продаже дома во Флоренции правителем Падуи Франческо Каррара [Акты Падуи 1987: 215–218]. Таким образом наглядно видно, что во Флоренции народный язык стал вытеснять латынь из деловой переписки раньше, чем на севере Италии, что подтверждается и другими документами.

Включение разноязычных текстов в одну рукопись может также подтверждать плюрилингвизм сообщества, где эта рукопись была создана. Первый поэтический текст на французском языке – «Кантилена о святой Евлалии» (конец IX в.) сохранился в латинском кодексе из лотарингского монастыря. Той же самой рукой рядом записан панегирик королю Людовику, но уже на германском наречии. Носители обоих языков, в том числе и двуязычные, могли быть среди монахов этого монастыря на границе романского и германского мира.

Заключение

Мы постарались продемонстрировать на очень ограниченном числе примеров некоторые аспекты социолингвистических исследований, приложимые к диахронии. На наш взгляд, очень разумно высказался по поводу исторической социолингвистики один из ведущих итальянских филологов Альфредо Варваро, который много сделал для реконструкции языковой ситуации в истории для одного из самых сложных регионов Италии – Сицилии. Он писал: «Не стоит питать иллюзии, что социолингвистические модели могут быть напрямую приложимы к любому обществу и к любой эпохе и могут разрешить проблемы, перед которыми остановилась традиционная лингвистика. Я задаюсь вопросом, может ли то, что изучает социолингвистика в приложении к живому языку, могут ли ее эксперименты в несравненной лаборатории реальных ситуаций сегодняшнего дня, не скажу решить старые проблемы, но хотя бы увидеть их под другим углом зрения, заставить взглянуть на них по-новому» [Varvaro 1979: 145–146]. В современной романистике есть немало исследований (в том числе и работы самого А. Варваро), которые позволяют ответить на поставленный вопрос утвердительно. Более того, накопленный материал и возможность сопоставлять большие массивы текстов дают надежду на то, что исторические исследования социолингвистического плана обретут необходимый уровень

доказательности и преодолеют гипотетичность и фрагментарность выводов.

Литература

- Акты Падуи конца XIII–XIV в. в собрании Академии Наук СССР (1987). Ленинград: Наука. 263 с.
- Марусенко М.А., Шабалина А.В. (2009) История использования французского языка в качестве международного языка дипломатии: историческая реальность и династический заказ. Труды кафедры истории нового и новейшего времени Санкт-Петербургского государственного университета. № 3. С. 255–274.
- Чельшева И.И. Формирование романских литературных языков. М.: Наука, 1991. 177 с.
- Abbé Grégoire. Rapport sur la nécessité et les moyens d'anéantir les patois et d'universaliser la langue française [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.axl.cefanelaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm> Дата обращения 15.09.2020.
- Auer A. (2020) Sociolinguistique historique: la naissance d'une nouvelle discipline. Études de lettres. № 312. P. 103–106 [Электронный ресурс] Код доступа <http://journals.openedition.org/edl/2371> Дата обращения 1.10.2020.
- Auer A., Peersman C., Pickl S., Rutten G., Voster R. (2015). Historical sociolinguistics: the field and its future. *Journal of Historical Sociolinguistics*. no. 1. pp. 1–12.
- Aquino-Weber D., Cotelli S., Kristlol Andres (ed.) (2009). *Sociolinguistique historique du domaine gallo-roman. Enjeux et méthodologies*. Berne: Peter Lang. 335 p.
- Balibar R. (1985) *L'institution du français. Essai sur le colingisme des Carolingiens à la République*. Paris: PUF. 421 p.
- Banniard M. *Viva Voce. Communication écrite et communication orale du IVe au IXe siècle en Occident latin*. Paris: Institut des Études Augustiniens, 1992. 596 p.
- Beaune C. (1987) La notion de nation en France au Moyen Age. *Communications*. Vol. 45. *Éléments pour une théorie de la nation*. pp. 101–116.
- Blanc A. (2010) *La langue du roi est le français. Essai sur la construction juridique d'un principe d'unicité de la langue de l'Etat royal (842–1789)*. Paris : L'Harmattan. 640 p.
- Brunot F. *Histoire de la langue française dès origines à 1900 (1933)*. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris : Armand Colin. 924 p.
- Cerquiglini B. (1991). *La naissance du français*. Paris : PUF, 128 p.
- Dardano M. (1999) Ist eine Historische Soziolinguistik des Altitalienischen möglich? *Sociolinguistica*. Vol. 13. no. 1. pp. 4–17.
- Giry-Deloison Ch. L'ordonnance de 1539 et l'unification du royaume de France [Электронный ресурс] Код доступа https://apf.francophonie.org/IMG/pdf/conference_sur_l_ordonnance_de_1539_et_l_unification_du_royaume_de_france.pdf Дата обращения 20.09.2020.
- Lodge R.A. (2004) *A Sociolinguistic History of Parisian French*. Cambridge: Cambridge University Press. 290 p.
- Lusignan S. (2004) *La langue des rois au Moyen Âge: le français en France et en Angleterre*, PUF.
- Lusignan S. (2012) *Essai d'histoire sociolinguistique. Le français picard au Moyen Âge*. Paris: Garnier. 335 p.
- Le proces de Jeanne d'Arc [Электронный ресурс] Код доступа: <http://www.justice.gouv.fr/histoire-et-patrimoine-10050/proces-historiques-10411/le-proces-de-jeanne-darc-24376.html> Дата обращения 15.09.2020.
- Metzeltin M. (1988) Veneziano e italiano in Dalmazia. Bd V Italienisch, Korsisch, Sardisch. *Lexikon der Romanistischen Linguistik*. Bd. IV. Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. pp. 551–569.
- Rubio C. (2016) *Vers une sociolinguistique historique. Epistémologies et histoire des idées*

- sociolinguistiques. Glottopol : revue de sociolinguistique en ligne. no. 28 [Электронный ресурс] Код доступа <http://glottopol.univ-rouen.fr/>. pp. 38–52. Дата обращения 10.09.2020.
- Strinna G. (2006) Il Contrasto della Zerbitana e la satira del dialetto marinaresco campano. La parola del testo. Vol. XII. no. 1. pp. 119–152.
- Trifone P. Roma e il Lazio. Torino: UTET, 1992.
- Trotter D. (2013) *Deinz certains boundes*: Where does anglo-norman begin and end? Romance Philology. Vol. 67 (Spring 2013). pp. 139–177.
- Varvaro A. (1979). Esperienze sociolinguistiche contemporanee e situazioni romanze medievali. La Sicilia nel basso medioevo. De Felicis (a cura di). Lingua, dialetti, società. Pisa: Giardini, 1979. pp. 29–55.
- Venez G.H. (2009) Il Codice Aragonese (1458–1460): la distribuzione delle tre lingue napoletana, catalana e latina. Zeitschrift für Katalanistik. no. 22. pp. 273–292.
- Vincent N. (2006) Languages in Contact in Medieval Italy. Rethinking Languages in Contact. The Case of Italian. Ed. by A. L. Lepschy and A. Tosi. London: Legenda. pp. 12–28.

References

- Akty Padui konca XIII–XIV v. v sobranii Akademii Nauk SSSR (1987). [Acts of Padua of the end XIIIth–XIVth century in the collection of the Academy of Sciences] Leningrad: Nauka. 263 s. (In Russ.)
- Marusenko M.A., Shabalina A.V. (2009) Istorija ispol'zovanija francuzskogo jazyka v kachestve mezhdunarodnogo jazyka diplomatii: istoricheskaja real'nost' i dinasticheskij zakaz [The history of the use of the French language as international language of diplomacy: historical reality and the dynastic order]. Trudy kafedry istorii novogo i novejshego vremeni Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. № 3. pp. 255–274 (In Russ.)
- Chelysheva I.I. (1991) Formirovanie romanskih literaturnyh jazykov. Ital'janskij jazyk [Formation of Romance literary languages. Italian] M.: Nauka. 177 p. (In Russ.)
- Abbé Grégoire. Rapport sur la nécessité et les moyens d'anéantir les patois et d'universaliser la langue française Available at <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm> Accesed date 15.09.2020.
- Auer A. (2020) Sociolinguistique historique: la naissance d'une nouvelle discipline. Études de lettres. no. 312. pp. 103–106. Available at <http://journals.openedition.org/edl/2371> Access date 1.10.2020.
- Auer A., Peersman C., Pickl S., Rutten G., Voster R. (2015). Historical sociolinguistics: the field and its future. Journal of Historical Sociolinguistics. no. 1. pp. 1–12.
- Aquino-Weber D., Cotelli S., Kristlol Andres (ed.) (2009). Sociolinguistique historique du domaine gallo-roman. Enjeux et méthodologies. Berne: Peter Lang. 335 p. (In French)
- Balibar R. (1985) L'institution du français. Essai sur le colinguisme des Carolingiens à la République. Paris: PUF. 421 p. (In French)
- Banniard M. Viva Voce. Communication écrite et communication orale du IVE au IXe siècle en Occident latin. Paris: Institut des Études Augustiniens, 1992. 596 P. (In French)
- Beaune C. (1987) La notion de nation en France au Moyen Age. Communications, 45, 1987. Éléments pour une théorie de la nation. pp. 101–116 (In French).
- Blanc A. (2010) La langue du roi est le français. Essai sur la construction juridique d'un principe d'unicité de la langue de l'Etat royal (842–1789). Paris: L'Harmattan. 640 p. (In French)
- Brunot F. Histoire de la langue française dès origines à 1900. T. 1. De l'époque latine à la Renaissance. Paris: Armand Colin. 924 p. (In French)
- Cerquiglini B. (1991). La naissance du français. Paris: PUF, 128 p. (In French)
- Dardano M. (1999) Ist eine Historische Soziolinguistik des Altitalienischen möglich? Sociolinguistica. Vol. 13. no. 1. pp. 4–17 (In Germ.)

- Giry-Deloison Ch. L'ordonnance de 1539 et l'unification du royaume de France Available at https://apf.francophonie.org/IMG/pdf/conference_sur_l_ordonnance_de_1539_et_l_unification_du_royaume_de_france.pdf Access date 20.09.2020 (In French)
- Lodge R.A. (2004) A Sociolinguistic History of Parisian French. Cambridge: Cambridge University Press. 290 p.
- Lusignan S. (2004) La langue des rois au Moyen Age : le français en France et en Angleterre, PUF. (In French)
- Lusignan S. (2012) Essai d'histoire sociolinguistique. Le français picard au Moyen Âge. Paris : Garnier. 335 p. (In French)
- Le proces de Jeanne d'Arc Available at <http://www.justice.gouv.fr/histoire-et-patrimoine-10050/proces-historiques-10411/le-proces-de-jeanne-darc-24376.html> Access date 15.09.2020 (In French).
- Metzeltin M. (1988) Veneziano e italiano in Dalmazia. Bd IV Italienisch, Korsisch, Sardisch. Lexikon der Romanistischen Linguistik. Bd. IV. Hrsg. von G. Holtus, M. Metzeltin, Ch. Schmitt. Tübingen: Max Niermeyer Verlag. pp. 551–569 (in Ital.).
- Rubio C. (2016) Vers une sociolinguistique historique. Epistémologies et histoire des idées sociolinguistiques. Glottopol: revue de sociolinguistique en ligne. no. 28 Available at <http://glottopol.univ-rouen.fr/>. pp. 38–52. Access date 10.09.2020 (In French)
- Strinna G. (2006) Il Contrasto della Zerbitana e la satira del dialetto marinaresco campano. La parola del testo. Vol.XII. no. 1. pp. 119–152 (In French)
- Trifone P. Roma e il Lazio. Torino: UTET, 1992 (In French)
- Trotter D. (2013) Deinz certains boundes: Where does anglo-norman begin and end? Romance Philology. Vol. 67 (Spring 2013). pp. 139–177.
- Varvaro A. (1979). Esperienze sociolinguistiche contemporanee e situazioni romanze medievali. La Sicilia nel basso medioevo. De Felicis (a cura di). Lingua, dialetti, società. Pisa: Giardini, 1979. pp. 29–55 (In Ital.)
- Venez G.H. (2009) Il Codice Aragonese (1458–1460): la distribuzione delle tre lingue napoletana, catalana e latina. Zeitschrift für Katalanistik 22 (2009), pp. 273–292 (In Ital.)
- Vincent N. (2006) Languages in Contact in Medieval Italy. Rethinking Languages in Contact. The Case of Italian. Ed. by A.L. Lepschy and A. Tosi. London: Legenda. pp. 12–28.

Чельшева Ирина Игоревна – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков Института языкознания РАН.
Адрес: 105009 Россия, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1/12.
Эл. адрес: chelirin@gmail.com

Для цитирования: Чельшева И.И. Историческая социолингвистика: границы и возможности (на материале романских языков) [Электронный ресурс]. Социолингвистика. 2020, № 4(4). С. 8–20. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-8-20

For citation: Chelysheva I.I. Historical Sociolinguistics: opportunities and constraints (based on the Romance languages). Sociolinguistics, 2020, no. 4(4) [online], pp. 8–20. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-8-20